

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Том 31, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Vol. 31, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2026

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2026. Т. 31. № 3

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Шульга П. И.</i> Женский головной убор-парик пазырыкской культуры из могильника Чесноково-2 (Алтай)	7
<i>Ши Ханьда, Курбанала Ж.</i> Зооморфные мотивы могильника Мацзяюань и отраженное в них культурное многообразие	22
<i>Илюшин А. М.</i> Средневековый комплекс вооружения на курганном могильнике Ваганово-1	46

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Кайряк А. А.</i> Особенности демографического развития российских немцев в конце XIX — начале XX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии и Степного края)	60
<i>Лиджиева И. В.</i> От традиционных целителей к дипломированным врачам: медицинская помощь в кочевом обществе последней трети XIX — первой трети XX в.	76
<i>Кобец О. В.</i> Перепись населения 1926 г. и несостоятельность тезиса о местах компактного проживания белорусов в регионах российско-белорусского приграничья в 1920–1930-е годы	91
<i>Кондратюк Г. Н.</i> Советская этнополитика в отношении национальных меньшинств в Крымской АССР в 1920–1930-х годах	108
<i>Шайдуров В. Н., Осипов Н. А.</i> Национальная политика в Ленинградской области в 1920–1930-е гг.	119
<i>Альховик Н. К.</i> Особенности национальной политики в отношении этнических меньшинств БССР в 1920–1941 гг.	142
<i>Чернышева Н. В., Ажигулова А. И.</i> Этническое большинство и этнические меньшинства северо-западной части РСФСР: общие тенденции и специфика воспроизводства в 1939–1959 гг.	165

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Васильев Д. В.</i> Православная церковь в туркменском оазисе: храм во имя Святителя Алексия Митрополита Московского в Мургабском государственном имении	189
<i>Шершинева Е. А.</i> Положение ссыльных мусульман Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской Империи	210
<i>Дашковский П. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В.</i> Положение буддийских общин в Туве в условиях ужесточения государственно-конфессиональной политики в СССР в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг.	229

ДЛЯ АВТОРОВ	252
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2026, vol. 31, no. 3

Section I. **ARCHEOLOGY AND ETNO-KULTURAL HISTORY**

<i>Shulga P.I.</i> The Female-headress wig of Pazyryk culture from Chesnokovo-2 (Altai)	7
<i>Shi Handa, Kurbanali Zh.</i> Zoomorphic decoration and cultural diversity at the Majiayuan cemetery	22
<i>Ilyushin A.M.</i> The medieval armament complex at the Vaganovo-1 burial mound.....	46

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Kairiak. A.A.</i> Features of the demographic development of Russian Germans in the late 19th and early 20th centuries (on the example of St. Petersburg province and Steppe Region)	60
<i>Lidzhiyeva I.V.</i> From traditional healers to qualified physicians: medical care in nomadic society in the last third of the 19th — first third of the 20th century.....	76
<i>Kobets O.V.</i> Population census of 1926 and the inconsistency of the thesis about the places of compact residence of Belarusians in the regions of the Russian-Belarusian border in the 1920s-1930s.	91
<i>Kondratyuk G.N.</i> Soviet ethnopolitics towards national minorities in the Crimean ASSR in the 1920s-1930s.	108
<i>Shaidurov V.N., Osipov N.A.</i> National policy in the Leningrad Region in the 1920s and 1930s.	119
<i>Alkhovik M.K.</i> Features of the national policy towards the BSSR ethnic in 1920–1941	142
<i>Chernysheva N.V., Azhigulova A.I.</i> Features of the national policy towards the BSSR ethnic in 1920–1941	165

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Vasilyev D.V.</i> An Orthodox Church in a Turkmen Oasis: The Church of St. Alexis, Metropolitan of Moscow, in the Murghab Sovereign's Estate.....	189
<i>Shershneva E.A.</i> The Status of Exiled Muslims in Siberia in the Context of the Russian Empire's State Policy toward Religious Communities.....	210
<i>Dashkovskiy P.K., Bicheldey U.P., Mongush A.V.</i> The situation of buddhist communities in Tuva in the context of the tightening of state-confessional policy in the USSR in the late 1950s — first half of the 1960s.....	229

FOR AUTHORS	252
--------------------------	-----

УДК 94 (47).084.5 (1924–1928 гг.)

DOI 10.14258/nreur(2026)3–06

О. В. Кобец

Филиал автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт деловой карьеры» в Смоленской области, Смоленск (Россия); Научно-образовательный центр Смоленского государственного университета «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем», Смоленск (Россия)

ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1926 Г. И НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕЗИСА О МЕСТАХ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ БЕЛОРУСОВ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ В 1920–1930-Е ГОДЫ

В самом начале 1920-х годов решениями X (1921 г.) и XII (1923 г.) съездов Российской коммунистической партии (большевиков) была выработана советская национальная политика, получившая общее название — коренизация. Главным ее отличием от проводившейся ранее царским правительством русификаторской политики являлась всемерная поддержка национальных меньшинств, составлявших почти половину всего населения России (65 из 140 миллионов).

К категории национальных меньшинств в регионах РСФСР относились и два славянских народа — украинцы и белорусы. Они уже имели свою государственность в формате союзных советских республик: УССР и БССР. И в них активно проводилась политика украинизации и белорусизации. Проживавшие же в российских регионах украинцы и белорусы, но теперь уже не как титульные нации, а как национальные меньшинства, хотя и самые многочисленные, подпадали под задачи политики коренизации. В соответствии с установками Москвы местным российским властям предписывалось в первую очередь переводить процесс обучения в школах на украинский или белорусский язык, а также создавать национальные сельские советы, переводя делопроизводство в них на национальные языки.

Однако одновременно с указанными задачами в партийно-государственных решениях по коренизации был заложен и сдерживающий, а зачастую и просто тормозящий, фактор ее реализации: требование компактности проживания национальных меньшинств.

Настоящее исследование со всей очевидностью показывает, что при общей малочисленности белорусского населения в российско-белорусском приграничье (Псковская, Смоленская и Брянская губернии) волостей с относительно компактным проживанием белорусов были единицы. Белорусское сельское население в целом, а именно таковым оно в основном и являлось, вело схожий с соседними русскими крестьянскими хозяйствами образ жизни, живя вперемешку, используя в быту русский язык.

Документальным свидетельством почти полного отсутствия в российско-белорусском приграничье мест с компактным проживанием белорусского населения стала Всесоюзная перепись населения 1926 г. Местным властям в угоду требованиям Москвы зачастую приходилось «искать» белорусов, компактно проживавших в подведомственных им волостях. Что одновременно ставило в повестку дня вопрос о целесообразности и необходимости самой белорусизации для «российских белорусов».

Ключевые слова: советская национальная политика, 1920–1930-е годы, коренизация, белорусы в российско-белорусском приграничье, места компактного проживания, Всесоюзная перепись населения 1926 г.

Для цитирования:

Кобец О. В. Перепись населения 1926 г. и несостоятельность тезиса о местах компактного проживания белорусов в регионах российско-белорусского приграничья в 1920–1930-е годы // Народы и религии Евразии. 2026. Т 31. № 3. С. 91–107.
[https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3-06](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3-06)

Кобец Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук Смоленского филиала АНО ВО «Институт деловой карьеры», Смоленск (Россия); научный сотрудник НОЦ Смоленского государственного университета «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем», Смоленск (Россия). **Адрес для контактов:** cobets.olga@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-6058-160X>

O. V. Kobets

Branch of the autonomous non-profit organization of higher education «Institute of Business Career» in the Smolensk region, Smolensk (Russia); Scientific and Educational Center of Smolensk State University «Russia and Belarus: History and Culture in the past and present», Smolensk (Russia)

POPULATION CENSUS OF 1926 AND THE INCONSISTENCY OF THE THESIS ABOUT THE PLACES OF COMPACT RESIDENCE OF BELARUSIANS IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN-BELARUSIAN BORDER IN THE 1920S-1930S

In the early 1920s, the decisions of the 10th (1921) and 12th (1923) Congresses of the Russian Communist Party (Bolsheviks) led to the development of a Soviet national policy known as “korenization”. This policy differed significantly from the Russification policies

pursued by the Tsarist government, as it aimed to support the national minorities, which accounted for nearly half of Russia's population (65 million out of 140 million).

Two Slavic peoples, Ukrainians and Belarusians, also belonged to the category of national minorities in the regions of the RSFSR. They already had their statehood in the format of the Union Soviet republics: the Ukrainian SSR and the BSSR. And they actively pursued a policy of Ukrainization and Belarusization. Ukrainians and Belarusians who lived in the Russian regions, but now no longer as titular nations, but as national minorities, although the most numerous, fell under the objectives of the policy of korenization. In accordance with Moscow's instructions, local Russian authorities were ordered to primarily translate the educational process in schools into Ukrainian or Belarusian, as well as to establish national village councils and translate their records into national languages.

However, at the same time, the party-state decisions on korenization also contained a restraining factor, and often a hindering factor, for the implementation of these decisions: the requirement for the compact residence of national minorities.

This study clearly demonstrates that, despite the overall low number of Belarusian residents in the Russian-Belarusian border region (Pskov, Smolensk, and Bryansk provinces), there were only a few volosts with relatively compact Belarusian populations. The Belarusian rural population, which was the majority of the population, had a similar lifestyle to that of neighboring Russian peasant farms, living in mixed communities and using the Russian language in their daily lives.

A documentary evidence of the almost complete absence of places with compact Belarusian population in the Russian-Belarusian borderlands was the 1926 All-Union Census. Local authorities, to comply with Moscow's demands, often had to “search for” Belarusians who lived compactly in the volosts under their jurisdiction. This, at the same time, brought up the question of the feasibility and necessity of Belarusization itself for the “Russian Belarusians”.

Keywords: Soviet national policy, 1920s-1930s, korenization, Belarusians in the Russian-Belarusian border area, places of compact residence, the All-Union Population Census of 1926.

For citation:

Kobets O. V. Population census of 1926 and the inconsistency of the thesis about the places of compact residence of Belarusians in the regions of the Russian-Belarusian border in the 1920s-1930s. *Nations and religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no. 3, pp. 91–107. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3-06](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3-06)

Kobets Olga Viktorovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities, Smolensk Branch of the Autonomous Educational Institution of Higher Education “Institute of Business Career”, Smolensk (Russia); Research Fellow at the Smolensk State University Research Center “Russia and Belarus: History and Culture in the Past and Present”.

Contact address: cobets.olga@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6058-160X>

Введение

Как известно, ключевым направлением советской национальной политики, получившей свое документальное оформление в решениях X и XII съездов РКП(б), стала коренизация. В 1921 г. все партийные организации призывались помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию посредством развития и укрепления у себя советской государственности в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов [Десятый съезд РКП(б), 1963: 603–604]. На первое место здесь выдвигалась задача организации деятельности всех национальных учреждений на родном языке. В 1923 г. данный тезис был уже наполнен гораздо большей конкретикой: органы национальных республик и областей следовало строить по преимуществу «из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи» своих народов; следовало издавать «специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное инонациональное население и национальные меньшинства ...» [Двенадцатый съезд РКП(б), 1968: 694].

После таких центральных установок советская национальная политика начнет воплощаться в регионах страны в специфических форматах титульных наций: украинизация, белорусизация, узбекизация, татаризация и т.д. При этом в части территорий Российской Федерации особо подчеркивалась необходимость коренизации *в местах компактного проживания национальных меньшинств*.

Сама по себе постановка данного вопроса была вполне логичной, поскольку, по сути, она была нацелена на реализацию вышеназванных партийных решений. Проблема заключалась лишь в том, что сознательно или нет, но данный тезис о компактности проживания национальных меньшинств в территориальных границах той или иной республики (области) и о его численной наполняемости никогда и никем не пояснялся. В итоге это будет по-разному трактоваться Москвой и местными властями.

Это относилось и к двум самым многочисленным соседним славянским народам, проживавшим в РСФСР, — украинцам и белорусам. Численность первого национального меньшинства на просторах Российской федеративной республики превышала 6 млн человек. Белорусское меньшинство составляло в РСФСР «всего» 637,6 тыс. чел., из них в сельской местности проживало 525 тыс. чел. [Всесоюзная перепись населения, 1929: 80]. Больше всего белорусов было в Сибирском крае — 320,3 тыс. чел., из них в сельской местности проживало 311,4 тыс. чел. В части приграничных с Белоруссией российских регионов картина была следующей: в Псковской губернии белорусов было 34,3 тыс. чел., из них в сельской местности — 31,2 тыс.; в Брянской — 21,1 тыс., из них в деревнях — 13,8 тыс. чел. [Всесоюзная перепись населения, 1929: 80]. Всего же в РСФСР из общей численности населения в 140 млн человек национальные меньшинства составляли 65 миллионов.

«У нас белорусов нет!»

В данной работе вопросы плотности расселения белорусов в регионах российско-белорусского приграничья, то есть компактности их проживания, вплоть до начала 1930-х гг. будут рассматриваться комплексно, не только на основе статистических материалов. Заявленная тематика вычленяется в самостоятельный объект исследования

по той причине, что местные власти далеко не всегда безоговорочно и послушно следовали установкам Москвы по проведению белорусизации в соседних с БССР российских регионах, зачастую саботируя навязываемую им работу. И основной опорой в такого рода региональных «протестах» для местных властей служил довольно хорошо работавший тезис: «У нас белорусов нет!».

На первом этапе белорусизации, то есть еще до переписи 1926 г., базовых аргументов для такого рода заявлений у местных руководителей было два. Первый отрицал в целом вычленение белорусов в отдельную нацию, указывая на то, что белорусы полностью ассимилировались и стали частью великорусского этноса. Второй — это непризнание белорусского языка как самостоятельного и отношение к нему лишь как к одному из говоров русского языка.

В документах партийных и советских органов власти исследуемых нами регионов вплоть до середины 1920-х гг. так называемый «белорусский вопрос», как, впрочем, и украинский, фактически полностью отсутствовал в перечне обсуждаемых проблем. Неким исключением здесь была Смоленщина, «попавшая» в одно из самых ранних предписаний московского руководства по вопросам белорусизации, потребовавшего начать уже в 1923 г. внедрение в школах белорусского языка [ГАРФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 30. Л. 1].

На Псковщине наличие белорусского населения отвергалось властями всех уровней: губернского, уездного, волостного. При этом такая непреклонная позиция не только сохранилась даже и после присоединения в 1924 г. переданных от Витебской губернии Себежского, Невельского и Велижского уездов, но и мало поменяется в последующие годы вплоть до свертывания политики белорусизации. В отчете Псковского губисполкома в отдел национальностей ВЦИК весной 1926 г. констатировалось, что белорусы перечисленных выше уездов настолько обрусели, что числились белорусами «лишь по названию» [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 52. Л. 36 об.].

«Искать» белорусов приходилось и на Смоленщине. В том числе и после декабрьской Всесоюзной переписи населения 1926 г. К решению этой задачи была даже привлечена фольклорно-диалектологическая комиссия минского Института белорусской культуры, преобразованного в 1928 г. в Белорусскую академию наук. Летом 1927 г. комиссия обследовала центральную и северную части Смоленской губернии. Она оказалась в сложном положении. С одной стороны, перед комиссией стояла задача «найти» белорусов. С другой, ей приходилось признавать, что даже в наиболее «белорусском» Смоленском уезде молодежь считала себя русскими и в большинстве довольно хорошо говорила по-русски. А за молодежью и под ее влиянием тянулось и старшее поколение, стесняясь говорить на своем родном «мужицком» языке [Рабочий путь, 1927]. В такой ситуации комиссия заключала, что по этнографическим и антропологическим данным население Смоленского уезда являлось частью белорусского народа, «хотя в большой степени срусифицированного» и называющего себя ни великороссами, ни белорусами, а просто «смолянами» [Рабочий путь, 1927].

Вплоть до самой середины 1920-х годов в исследуемых нами регионах белорусов как бы и не было вообще. Так, например, в отчете Брянского губкома РКП(б) 1924 г. в части национального состава населения находим информацию только о латышах

(1 600 чел.), эстонцах (1 тыс.) и немцах (600 чел.). В следующем году к ним добавляются евреи. А далее следует такого рода дополнение: среди других национальных меньшинств «работа вестись в этом году не предполагается» [ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1203. Л. 118]. Ни украинское, ни белорусское население в это время еще просто не выделяются из этноса великорусского.

В этом же отчете губкома называлась и главная трудность работы с нацменьшинствами — это разбросанность их по отдельным хуторам и мелким поселениям [ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1390. Л. 98]. Но и по прошествии четырех лет, то есть в 1928 г. отвечавший за работу с национальными меньшинствами в Брянской губернии Я. Штауэр указывал на «отсутствие территории, объединяющей отдельные национальности», из которых «только сотни живут маленькими группами, а в своем подавляющем большинстве нацменьшинства разбросаны одиночками» [Брянский рабочий, 1928]. Здесь, конечно, в первую очередь имелись в виду колонии латышей, эстонцев и немцев, стремившихся жить уединенно и относительно компактно. Но данное суждение вполне приемлемо и для белорусского населения, принимая во внимание некоторые из национальных особенностей белорусов.

Еще в самой середине XIX в. руководителем смоленского отряда по обследованию крестьянских хозяйств губернии Я. А. Соловьевым была подмечена существенная разница крестьянина великорусского и белоруса не только в части домашнего быта и хозяйства, но и самого народного характера, особенно касательно мест расселения. Если русский крестьянин, отмечал Я. А. Соловьев, любил строиться на больших дорогах, где он, при своей деятельности и сметливости, нередко зарабатывал «лишнюю копейку», то крестьянин белорусский «прятался в поселках», пренебрегая удобствами, без какого-либо стремления к «отысканию средств к жизни» [Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии, 2011: 100].

В 1903 г. наблюдения и описания Я. А. Соловьева в полной мере «подтвердила» и экспедиция этнографа, профессора Варшавского университета Е. Ф. Карского, объехавшего «белорусские земли» в Орловской, Калужской, Смоленской, Тверской и Псковской губерниях. В изданной уже в том же 1903 г. работе «Белоруссы» Карский для проведения границ в подготовленной им «Этнографической карте белорусского племени» предлагал различать белорусов, которым «приходилось соседствовать с великорусами» в Орловской, Калужской, Смоленской, Тверской и Псковской губерниях «по образу жизни». Основное отличие белорусов от великороссов профессор Карский определял так: они «селятся в местностях лесистых и болотистых», отчего «великорусы ... и называют их поляхами, а местность их Полесьем» [Карский, 1903: 13–14]. И добавлял к этому, что по той же причине стремления к уединению совсем не наблюдалось у белорусов к востоку от Смоленска вдоль железных дорог, которых было много, но где белорусская речь полностью уступала место великорусской [Карский, 1903: 16].

Данная национальная черта белорусов поселяться в стороне от дорог, предпочитая уединенную крестьянскую жизнь, никуда не исчезнет и в начале XX в., что значительно усложнит местным властям «поиски» волостей с компактным проживанием белорусов, для последующей их белорусизации, так настойчиво диктовавшейся регионам Москвой.

В вопросе определения компактности проживания для региональных властей не было никаких проблем ни с евреями, ни с поляками или немцами, ни с латышами или эстонцами и даже с украинцами. Вопрос же о фактической численности белорусов в российско-белорусском приграничье по большому счету так и останется неразрешенным вплоть до завершения политики коренизации. Существенную роль сыграла в этом и значительная схожесть двух языков: белорусского и русского. Причем схожесть гораздо большая, чем русского и украинского языков.

Один из инспекторов, проверявший работу с национальными меньшинствами в Псковской губернии в 1926 г., констатировал, что даже в самых что ни на есть «белорусских» уездах Себежском, Невельском и Велижском белорусское население настолько обрусело, что говорило лишь на русском языке, только примешивая к нему «несколько десятков белорусских слов». И добавлял, что в других районах населения, говорящего на белорусском языке, не имелось вообще: «При объезде мною одной волости, расположенной ближе к границе Белоруссии, а также при обходе базаров, на которые прибывают крестьяне из разных волостей, я не встретил ни одного гражданина, говорившего бы на белорусском языке» [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 52. Л. 42].

При этом следует отметить и имевшее место вольное обращение с количественными показателями по белорусскому населению. Вот пример по Псковщине. Даже в записке, подготовленной в 1926 г. Советом по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР (Совнацмен) для заседания коллегии наркомата, тенденциозность очевидная: в 1920 г. в губернии имелось 112 118 чел., которые *компактно проживали* (выделено нами. — О. К.) в Невельском, Велижском и Себежском уездах (здесь не столь важно, что эти уезды были на тот момент еще в составе Витебской губернии, главное — тезис о компактности, о чем в 1920 г. речи еще не шло вообще); в 1925 г. губернский отдел народного образования называл цифру в 150 тыс. чел.; инспектор Наркомпроса Акодис, производивший обследование губернии, давал цифру в 170 тыс. белорусов [ГАНИПО. Ф. 5712. Оп. 4. Д. 226. Л. 30].

Белорусы в российско-белорусском приграничье по переписи 1926 г.

На этом фоне нам следует посмотреть, что говорит по вопросу компактности проживания белорусов в указанных российских приграничных регионах Всесоюзная перепись населения 1926 г.

Вначале отметим некоторые общие вопросы, касающиеся переписей населения.

Первая и единственная перепись населения царской России была проведена зимой 1897 г. До этого времени имели место подушные переписи-ревизии. Первой советской переписью населения станет «всеобщая демографическо-профессиональная и сельскохозяйственная перепись» 1920 г. [Воробьев, 1957: 11].

По переписи 1897 г., в части интересующего нас национального вопроса, данные собирались только о родном языке опрашиваемых. Вопрос о вероисповедании не относился к этнической принадлежности. В личном листке переписи 1920 г. в четвертом вопросе требовалось дать ответ на два подвопроса: 1) к какой национальности относился сам себя опрашиваемый и 2) какой язык он считал для себя родным.

В декабре 1926 г. состоялась Всесоюзная перепись населения. В личном листке переписи четвертый и пятый вопросы были о народности и родном языке. Здесь необ-

ходимо подчеркнуть, что по результатам долгих обсуждений и споров, предшествовавших переписи, ЦСУ утвердило формулировку именно о народности, а не о национальности, как это было в переписи 1920 г. Мотивация была таковой: «народность» должна была подчеркнуть, что от опрашиваемого ожидалось подтверждение его «племенного происхождения», т. е. «принадлежности к той или иной этнической группе населения» [Воробьев, 1957: 27].

В «Наставлении о том, как писать ответы на вопросы личного листка» по поводу народности сказано: «Здесь отмечается, к какой народности причисляет себя отвечающий. В случае, если отвечающий затрудняется ответить на вопрос, предпочтение отдается народности матери. Так как перепись имеет целью определить племенной (этнографический) состав населения, то в ответах на 4-й вопрос не следует заменять народность религией, подданством или признаком проживания на территории какой-либо республики. Ответ на вопрос о народности может и не совпадать с ответом на вопрос 5-й о родном языке» [Воробьев, 1957: 27–28]. Таким образом, регистрация народности была основана на самоопределении опрашиваемых.

В части языка в «Наставлении» говорилось, что родным языком следовало признавать тот, «которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит» [Воробьев, 1957: 28].

Перепись дает нам вначале общие цифры по количеству населения трех интересующих нас приграничных российских губерний с разбивкой по народностям. Так, из всей численности населения Псковской губернии в 1 788 418 чел. русские составляли 1 695 739 чел., что давало немногим менее 95%; белорусов было 34 277 чел., или 1,92% всего населения. Цифры по Смоленской губернии: всего населения — 2 292 712 чел., из них русских — 2 213 939 чел., или почти 96,5%; белорусов — 20 408 чел., т. е. 0,89% населения губернии. Показатели по Брянской губернии следующие: всего населения — 2 006 438 чел, русских — 1 806 260 чел, т. е. 90,02%; белорусов — 21 060 чел., или 1,05% населения губернии [Всесоюзная перепись населения, 1928а: 46–48].

Данные переписи свидетельствуют, что к 1926 г., т. е. в самый пик политики белорусизации, этнических белорусов в приграничных российских губерниях было совсем незначительное количество — в целом чуть более одного процента. И это с учетом того, что к тому времени в состав Псковской губернии уже добавились Себежский, Невельский и Велижский уезды, в Брянскую губернию вошли Клинцовский, Новозыбковский и Стародубский уезды.

Не выпала из приграничной «обоймы» и Смоленщина, хотя она, наоборот, лишилась в 1924 г. в ходе первого укрупнения БССР двух своих уездов — Мстиславского и Горецкого, что дало значительное снижение численности белорусского населения: с 55 тыс. по переписи 1920 г. до 20 тыс. в 1926 г. Наиболее «белорусскими» в губернии считались Смоленский и Рославльский уезды.

Неопределенность тезиса компактности проживания

Логика размышлений Москвы была понятной: если шесть уездов перешли в Псковскую и Брянскую губернии от ставших к тому времени территориями белорусскими, то и белорусского населения в них должно было быть много, а значит, и компактно проживающего.

Пример: письмо в адрес Псковского губоно за подписями заместителя председателя Совнацмена Наркомпроса И. Давыдова и заведующего белорусским отделением М. Лойко летом 1925 г. В нем высказывалось недовольство ведомства тем обстоятельством, что в губернии на 150 тысяч белорусского населения не было ни одного культурно-просветительного учреждения на белорусском языке, и ставилась задача о необходимости ведения на родном языке «культурно и политико-просветительной работы среди белорусов, живущих компактными массами», и перечислялись конкретные уезды: Невельский, Себежский, Велижский [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 52. Л. 78, 79].

Специальная же комиссия, обследовавшая Невельский уезд летом 1927 г. делала вывод, что компактных мест проживания белорусов в уезде не было, а если таковые и были, то «причисляющие себя к белорусам» и по своему языку, и обычаям мало чем отличались от русского населения. И потому делался вывод, что не было возможности вести работу среди белорусов по простой причине их отсутствия, не говоря уже об их компактном проживании [ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 425. Л. 238].

В декабре 1927 г. в докладе из Пскова в отдел национальностей ВЦИК РСФСР о состоянии работы среди национальных меньшинств была использована еще более жесткая формулировка: «Белорусских компактных населенных пунктов нет» [ГАПО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 88. Л. 2].

На совещании уполномоченных по работе среди национальных меньшинств, созванного по решению Президиума ВЦИК РСФСР в декабре 1926 г., в докладе Смоленского губисполкома прямо говорилось: «Белорусы находятся около границы с Белоруссией, но они смешаны с русским населением, и таких местечек, где преобладало бы исключительно белорусское население, у нас не имеется..., мы имеем разбросанность белорусов по всей территории, главным образом они живут в Смоленском уезде. Белоруссы смешаны с русскими крестьянами и находятся в одинаковых экономических условиях с остальным населением» [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 89, 98].

На практике реальную компактность никто, нигде и никаким образом не измерял. Вольная трактовка термина компактности давала свободу толкований и порождала новые словообразования, понятия и подходы, такие, как: места с «количественно преобладающим белорусским населением» [ГАБО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1126 (ч. 1). Л. 16]; в местностях со «значительными группами нацменьшинств» [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 66. Л. 36] и т.д.

Базовая неопределенность в данном вопросе вылилась и в небольшую дискуссию между одним из выступавших и секретарем ЦИК СССР А.С. Енукидзе на указанном выше совещании уполномоченных по работе среди национальных меньшинств, проходившем 3–4 декабря 1926 г. в Москве. На нем присутствовали уполномоченные от Смоленской, Псковской, Гомельской, Саратовской, Самарской, Пензенской, Астраханской, Воронежской, Ульяновской, Курской губерний, Сибирского края и Уральской области [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 40].

Представитель Гомельской губернии Пахомов поделился своими наблюдениями, полученными в ходе его трехнедельной поездки по Белоруссии и белорусским школам Украины. Он убедительно говорил о причинах протестного нежелания населения, чтобы школы и сельские советы переводились на белорусский язык. И аргумен-

тировал это так: волостные, уездные и губернские власти не смогут организовать рациональную работу национальных сельских советов после перевода в них делопроизводства на родной язык, поскольку «бумажки» от немцев, болгар, русских, украинцев и других народностей, подготовленные на родном языке разных этносов, дезорганизуют работу органов власти уже даже по одной причине — полного отсутствия нужных переводчиков. И чем больше сельсоветов будет переводиться на национальный язык, заключал Пахомов, тем сложнее будет работать вышестоящим органам, в ведении которых находились сельсоветы. Из такой ситуации, заключал выступавший, было два возможных выхода: либо децентрализация делопроизводства, либо один обязательный для всех язык [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 23–24].

С выступлением Пахомова не согласился Енукидзе. Он признавал, что власти оказались не подготовленными к работе среди национальных меньшинств и не договорились «об интересах соответствующего нацменьшинства и соответствующего государства», в том числе и в вопросе о компактности проживания национальных меньшинств [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 24–25].

В видении Енукидзе, для обслуживания национальных меньшинств в РСФСР следовало вначале «установить определенный минимум компактного населения национальности, которое в интересах поднятия этой национальности требует применения там национального языка». Но этого не следовало делать для «каждой деревушки». И не надо переводить делопроизводство в сельсоветах на национальные языки там, где местное население ассимилировалось и хорошо знает русский язык. «Во имя каких ... интересов навязывать им свой родной язык», ставил вопрос Енукидзе. И продолжал: «Я уверен, что это население в своем большинстве, в интересах своего развития не хочет этого и поэтому не нужно им навязывать» [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 29]. Далее, уже как бы в формате обсуждения вопроса, он так излагал свое понимание проблемы: вначале надо «отдельно разработать вопрос о том, какие массы у нас живут, где, какова у них культура, на какой ступени развития находится их язык и служит ли их язык преобладающим при взаимоотношении с другими, необходимо установить это. Затем установить обслуживание на национальном языке тех национальностей, где имеется уже применение этого» [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 29]. В конце своего выступления секретарь ЦИК делал такой вывод: «Мы признаем, что язык должен быть обязательным там, где нацменьшинства живут компактной массой, но когда живут вкрапленными, мелкими селениями и хотят иметь русскую школу, то почему им не дать» [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 34].

В практической же работе по белорусизации в приграничных с БССР российских регионах превалирующим принципом взаимоотношений центра с регионами станет давление и подстегивание процессов со стороны московских властей. С этой же целью для подтверждения нередко противоречащих друг другу выводов и решений будет выборочно использоваться статистика, включая официальные данные переписей.

В 1929 г. в только что образованной Западной области с административным центром в Смоленске почти 400 тысяч национальных меньшинств характеризовались как проживающие «распыленно» [ЦДНИБО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 134. Л. 16]. Такая оценка имела непосредственное отношение и к белорусам. В значительной степени именно по при-

чине своей «распыленности» 78 тысяч белорусов не имели ни одного своего сельского совета, в то время как общее число национальных сельсоветов составляло в области 26 (в первую очередь латышские, эстонские, еврейские...) [ЦДНИБО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 134. Л. 13]. У белорусского же населения потребности в создании своих национальных сельских советов не было, их в полной мере устраивали «русские» сельсоветы, представлявшие одинаково и их интересы.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. свидетельствует

Наиболее очевидно «распыленность» белорусского населения в приграничных российских губерниях проявлялась на уездно-волостном уровне.

Из всех уездов трех российских губерний — Брянской, Смоленской, Псковской — в оценке Москвы наиболее «белорусскими» считались Клинецовский, Новозыбковский, Стародубский (Брянская губерния), Смоленский, Рославльский (Смоленская губерния), Себежский, Невельский и Велижский (Псковская губерния). Именно в этих регионах и предполагалось наличие большого количества мест компактного проживания белорусского населения. Однако материалы переписи 1926 г. это не подтверждают, кроме буквально нескольких волостей.

Поскольку ситуация с белорусским населением в трех губерниях была относительно типичной, мы ограничимся характеристикой только трех указанных выше уездов Брянской губернии, которой в силу своего географического положения и двойного пограничного статуса (граница с УССР и БССР) приходилось одновременно заниматься и украинизацией, и белорусизацией.

Из всего населения Брянской губернии численностью в 2 005 982 чел. русских по народности было 1 806 260 чел., т.е. 90%; белорусов — 13 060 чел., что составляло 0,65% всего населения. По родному языку цифры существенно менялись: русский назвали своим родным языком 1 956 036 чел. (97,5%), белорусский — всего 4 716 чел. (0,24%), а в сельской местности последний показатель был и того меньше — 0,20% [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 3, 19, 21].

По самым «белорусизированным» уездам ситуация была следующей.

В *Клинецовском уезде* всего проживало 298 825 чел. Из них русских по народности — 263 989 чел. (88,3%), белорусов — 6 679 чел., или 2,2%. По родному языку показатели были следующими: русский язык указали своим родным 285 164 чел., что составляло 95,4% всего населения уезда, белорусский — 2 770 чел., т.е. — 0,93% [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 40–41].

Из девяти волостей уезда наиболее «белорусскими» были две: Красногорская — 1 741 чел. по народности и 1 234 чел. — по языку, что составляло 5,0% и 3,5% населения волости соответственно; и Гордеевская — 1 285 белорусов по народности (3,7%) и 974 чел. по языку (2,8%).

По другим волостям белорусами по родному языку себя называли от 13 до 58 человек, а в двух волостях белорусов по языку не оказалось вовсе (Нивнянская и Мглинская волости). В последней из них не было ни одного белоруса даже и по народности [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 42–43].

В *Новозыбковском уезде* перепись показала наличие 178 041 чел. всего населения. Из них русскими по народности записали себя 139 737 чел. (78,5%), белорусами —

5 608 чел. (3,1%). По родному же языку, как и следовало ожидать, русскими «стали» 169 698 чел., или 95,3%, белорусами — 1 152 чел., или 0,6% [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 41].

В уезде было всего четыре волости. И ситуация здесь была не столь однозначной в сравнении с Клиновским уездом. Сложность заключалась в следующем: что считать основным или предпочтительным показателем — цифры по народности или по языку. Так, например, в Злынковской волости белорусов по народности было 1 279 чел., что составляло 4,9% всего населения волости. При этом цифра белорусов по родному языку оказывалась в разы меньше: всего 81 человек, что составляло лишь 0,3% населения волости.

Почти аналогичной ситуация складывалась в Новозыбковской волости. Здесь из всего населения в 43 119 чел. белорусов по народности было 1 238 чел., то есть 2,9%. По родному же языку всего имелось 15 чел., или 0,03% всего населения волости.

Показатели по Климовской волости были схожими с большинством волостей Клиновского уезда. А вот Чуровичскую волость, похоже, можно безоговорочно считать «белорусской» (на фоне других, конечно, не более того). Здесь в белорусскую народность себя отнесли 1 523 чел., что составляло 3,5% населения волости. Но при этом, в отличие от Злынковской волости, здесь 724 чел. назвали белорусский язык своим родным, что давало цифру в 2,2% всего волостного населения [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 43].

Стародубский уезд. Всего населения — 183 255 чел. Русских по народности — 119 125 чел., или 65%, белорусов — 1 233 чел., или 0,67%. По родному языку показатели радикально меняются: русских — 176 912 чел., то есть 96,5% всего населения, белорусов только 198 чел., или 0,1% [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 42].

По всем восьми волостям уезда общая картина была достаточно схожей: преобладание русского населения было очевидным как по народности, так и по родному языку, но только еще более явным. Причем здесь почти не было людей, причислявших себя к белорусской народности, за исключением, может быть, Стародубской волости, где таковых «оказалось» 153 чел. Белорусский же язык как родной указали для себя самое большее — 26 человек, это в Погарской волости. В трех волостях таковых было менее 10 чел. (Гарцевская, Кистерская, Юдиновская). И так же в трех волостях (Воронковской, Лыщицкой и Чаусовской) белорусами по языку не было ни одного человека [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 42].

Относительно схожей была ситуация и в двух других приграничных губерниях. Перепись показала, что если по народности в белорусы себя записали в Псковской губернии всего 1,92% населения, то родным языком белорусский назвали всего 0,07% населения. На Смоленщине в белорусы себя зачислили 0,89% населения, а белорусский язык выбрали родным только 0,19% жителей губернии [Всесоюзная перепись населения, 1928а: 46–48].

Плотность расселения белорусского населения

Для полноты восприятия проблемы компактности проживания белорусского населения в российском приграничье возьмем еще один показатель — плотность проживания сельского населения.

Покажем это на примере тех же трех уездов Брянской губернии.

В *Клинцовском уезде* имелось 1 260 населенных мест с общим числом сельского населения — 258 712 человек. Общее количество домохозяйств в уезде составляло 50 655. Таким образом, в среднем на один сельский населенный пункт приходилось 205 жителей и 40 домохозяйств [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 4]. А на одно домохозяйство было 5,1 чел. При этом в 280 населенных пунктах, что составляло почти четвертую часть всех населенных мест уезда, проживало менее чем по 10 человек. Из этих почти 300 мест 66 относились к Клинцовской волости, где показатель числа жителей на одно домохозяйство был и того меньше среднего по уезду — 4,8 чел. [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 4].

Новозыбковский уезд. Здесь было 659 населенных мест с общей численностью жителей 135 652 человек. Общая численность домохозяйств в уезде составляла цифру 29 487. Из этого следует, что в Новозыбковском уезде на один сельский населенный пункт получалось так же, как и в Клинцовском, по 206 жителей и почти по 45 домохозяйств со средней численностью в них — 4,6 чел. Одновременно в уезде было 139 населенных пунктов, то есть 21,1% всех населенных мест, в которых проживало менее чем по 10 чел. Из них 64, то есть почти половина, относились к Новозыбковской волости, где число жителей в пересчете на одно домохозяйство было даже меньше соседнего Клинцовского уезда — 4,5 чел. [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 4].

Похожей была ситуация и в *Стародубском уезде*: 761 сельский населенный пункт с количеством жителей в 162 051 чел. и общим числом домохозяйств в уезде — 33 360. То есть на один населенный пункт приходилось 213 жителей и 44 домохозяйства, в среднем по 4,9 чел. в каждом. 220 населенных пунктов уезда имели населения менее 10 человек. А ведь это составляло 28,9% всех населенных мест уезда! Больше всего таких поселений имелось в Лыщицкой волости (94), а также в Стародубской (41). В Лыщицкой волости показатель числа жителей на одно домохозяйство составлял 5,1 чел., в Стародубской — 4,9 чел. [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 4].

Приведенные данные по отдельным уездам и волостям свидетельствуют также и о предпочтениях более чем каждого четвертого жителя Брянской губернии жить в деревнях с населением до 500 человек [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 6].

И, если одновременно брать в расчет незначительность фактических значений белорусов, проживавших в деревнях Брянской губернии (13 753 чел.), Смоленской (15 201 чел.) и Псковской (31 172 чел.), и количество белорусов по родному языку в деревнях российского приграничья (Брянская губерния — 3 748 чел., Смоленская — 3 611 чел., Псковская — 902 чел.) [Всесоюзная перепись населения, 1929: 80, 108], то с очень большой долей условности к местам относительно компактного проживания белорусского населения можно отнести лишь: в Брянской губернии — Красногорскую и Гордеевскую волости Клинцовского уезда, Злынковскую волость Новозыбковского уезда; в Смоленской губернии — Бохотскую, Любавичскую и Монастырщинскую волости Смоленского уезда, Хиславичскую волость Руднянского уезда; в Псковской губернии — Урицкую, Новохованскую и Володарскую волости Невельского уезда.

Заключение

К каким выводам мы приходим по итогам нашего исследования?

Если исходить из основного требования к политике белорусизации в российских регионах — проводить ее только в местах «компактного проживания» белорусского населения, то общая позиция местных властей всех приграничных российских регионов об отсутствии у них белорусов была достаточно обоснованной: плотных, компактных мест проживания белорусов в трех исследуемых нами российских губерниях было совсем незначительное число. Белорусское население в основном рассредоточивалось по многочисленным деревням, живя вперемешку с великорусским крестьянством. Языком бытового общения для всех являлся язык русский.

Данные переписи населения 1926 г. подтверждают это в полной мере. Одновременно перепись дает все основания для отнесения вопроса о компактном проживании белорусов в российских деревнях в значительной степени к категории надуманных. Это был тезис Москвы, который активно использовался центральными властями для подталкивания процессов белорусизации в рамках общей политики по коренизации национальных меньшинств.

Как это происходило на местах и к чему приводило, покажем также на примере Брянской губернии. Весной 1934 г. на имя заведующего губернским отделом народного образования Западной области Резникова Н. С. поступила докладная записка от заведующего Гордеевским районом Баранова. В документе в сжатой форме показана вся история несостоявшейся белорусизации в отдельно взятом уезде. Белорусские школы на протяжении семи лет создавались в Гордеевском уезде вопреки требованиям крестьян иметь русские школы под активным внешним «воздействием на граждан». Заведующий районом использует при описании имевшего место административного давления на крестьян термин «насаждение» белорусских школ. В 1926 г. население проголосовало против белорусских школ. Но их все-таки открыли. В значительной степени под личным напором со стороны инспектора белорусских школ по Клинцовскому уезду Слесаренко [ГАСО. Ф. Р-2350, Оп. 1. Д. 1149. Л. 240]. Хотя, как показала перепись населения 1926 г., во всей Гордеевской волости белорусский язык заявили своим родным менее одной тысячи человек, составлявших 2,8% всего населения волости [Всеобщая перепись населения, 1928б: 42–43]. Школ же белорусских создали даже три. При этом в близком соседстве со школами русскими. Зачем, задавался вопросом заведующий районом? И сам отвечал, что не было никакой «необходимости иметь белорусские школы там, где нет белорусского населения» [ГАСО. Ф. Р-2350. Оп. 1. Д. 1149. Л. 240]. И потому его несколько не удивляло, что в 1934 г. все белорусские школы района переводились в школы русские, чего безуспешно добивалось местное население все прошедшие годы.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859>.

Acknowledgments and funding

The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation No. 24–28–00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Брянский рабочий. 1928. 5 сентября.
- Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения 1926 года. 2-е изд. Москва: Госстатиздат, 1957. 107 с.
- Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР. 1928а. XXI. 138 с.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том II. Западный район; Центрально-промышленный район. Народность, Родной язык. Возраст. Грамотность. Москва: Издание ЦСУ Союза СССР. 1928б. 464 с.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том IX. Российская Федеративная Советская Республика. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Москва: Издание ЦСУ Союза ССР, 1929. 228 с.
- Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 84. Оп. 1. Д. 1126 (ч. 1).
- Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 425.
- Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 5712. Оп. 4. Д. 226.
- Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 88.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-296. Оп. 1. Д. 30.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 52.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 2.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 66.
- Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-2350. Оп. 1. Д. 1149.
- Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство политической литературы. 1963. 915 с.
- Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. Москва, Издательство политической литературы, 1968. 903 с.
- Карский Е.Ф. Белоруссы. Т 1: Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903. 466 с.
- Рабочий путь. 1927. 19 августа.
- Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии / сост. Яковом Соловьевым, нач. б. Смолен. отряда уравнивания гос. крестьян в денеж. сборах, на основании сведений, собр. этим отрядом. М.: изданием Учен. ком. М-ва гос. имуществ, 1855. 486 с. (Цит. по изданию: Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. Смоленск: Универсум, 2011. 504 с).
- Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1203.
- Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1390.
- Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 134.

References

- Bryanskii rabochii* [Bryansk worker]. 1928. 5 sentyabrya (in Russian).
- Desyatyi s'ezd RKP(b). Mart 1921 goda. Stenograficheskii otchet* [The Tenth Congress of the Russian Communist Party. March, 1921. Verbatim report]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1963, 915 p. (in Russian).
- Dvenadtsati s'ezd RKP(b). 17–25 aprelya 1923 goda. Stenograficheskii otchet* [The Twelfth Congress of the Russian Communist Party (b). April 17–25, 1923. Verbatim report]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1968, 903 p. (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Bryanskoi oblasti (GABO)* [State Archive of the Bryansk region (SABR)]. Fund 84. Inventory 1. File 1126 (ch. 1). (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Pskovskoi oblasti (GANIPO)* [State Archive of Modern History of the Pskov region (SAMHPR)]. Fund 1. Inventory 1. File 425 (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Pskovskoi oblasti (GANIPO)* [State Archive of Modern History of the Pskov region (SAMHPR)]. Fund 5712. Inventory 4. File 226. (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Pskovskoi oblasti (GAPO)* [State Archive of the Pskov region (SAPR)]. Fund R-324. Inventory 1. File 88. (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund A-296. Inventory 1. File 30. (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund R-1235. Inventory 120. File 52. (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund R-1235. Inventory 121. File 2. (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund R-1235. Inventory 123. File 66. (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Smolenskoii oblasti (GASO)* [State Archive of the Smolensk region (SASR)]. Fund R-2350. Inventory 1. File 1149. (in Russian).
- Karskii E. F. *Belorussiy. T 1: Vvedenie v izuchenie yazyka i narodnoi slovesnosti* [Belarusians. Volume 1: An introduction to the study of language and folk literature]. Varshava, 1903, 466 p. (in Russian).
- Rabochii put'* [Rabochiy Put]. 1927. 19 avgusta. (in Russian).
- Sel'skokhozyaistvennaya statistika Smolenskoii gubernii* [Agricultural statistics of the Smolensk province]. Sost. Yakovom Solov'evym, nach. b. Smolen. otryada uravneniya gos. krest'yan v denezh. sborakh, na osnovanii svedenii, sobr. ehtim otryadom. Moscow: izhdiveniem Uchen. kom. M-va gos. imushchestv, 1855. 486 s. (in Russian). (Tsit. po izdaniyu: *Sel'skokhozyaistvennaya statistika Smolenskoii gubernii* [Agricultural statistics of the Smolensk province]. Smolensk: Universum, 2011. 504 s).
- Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Bryanskoi oblasti (TSDNIBO)* [Center for documentation of the modern history of the Bryansk region (CDMHBR)]. Fund 1. Inventory 1. File 1203. (in Russian).
- Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Bryanskoi oblasti (TSDNIBO)* [Center for documentation of the modern history of the Bryansk region (CDMHBR)]. Fund 1. Inventory 1. File 1390. (in Russian).

Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Bryanskoi oblasti (TSDNIBO) [Center for documentation of the modern history of the Bryansk region (CDMHBR)]. Fund 12. Inventory 1. File 134. (in Russian).

Vorob'ev N. Ya. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda* [The All-Union population Census of 1926]. 2-e izd. Moscow: Gosstatizdat, 1957, 107 p. (in Russian).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkie svodki. Vyp. 4: Narodnost' i rodnoi yazyk naseleniya SSSR [All-Union population census on December 17, 1926: summary reports. Issue 4: Nationality and native language of the USSR population]. Moscow: TsSU SSSR Publ., 1928a, XXI, 138 p. (in Russian).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Tom II. Zapadnyi raion; Tsentral'no-promyshlennyy raion. Narodnost', Rodnoi yazyk. Vozrast. Gramotnost' [The All-Union Population Census of 1926. Volume II. Western district; Central industrial district. Nationality, Native language. Age. Literacy]. Moskva: Publication of the Central Statistical Office of the USSR. 1928b, 464 p. (in Russian).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Tom IX. Rossiiskaya Federativnaya Sovetskaya Respublika. Narodnost'. Rodnoi yazyk. Vozrast. Gramotnost' [The All-Union Population Census of 1926. Volume II. Western district; Central industrial district. Nationality, Native language. Age. Literacy]. Moscow: Publication of the Central Statistical Office of the USSR, 1929, 228 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 15.06.2026

Принята к публикации: 02.09.2026

Дата публикации: 30.09.2026